

Уильям Гибсон

НЕЙРОМАНТ

ТРИЛОГИЯ
«КИБЕРПРОСТРАНСТВО»

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)+84(7Кан)-445
Г 46

William Gibson
NEUROMANCER
Copyright © 1984, 1986, 1988 by William Gibson
COUNT ZERO

Copyright © 1986 by William Gibson
MONA LISA OVERDRIVE

Copyright © 1988 by William Gibson
BURNING CHROME

Copyright © 1986 by William Gibson

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Валерии Ахметьевой, Александра Гузмана, Александра Етоева,
Анны Комаринец, Александра Корженевского, Сергея Красикова,
Валерия Ларионова, Михаила Пчелинцева, Андрея Черткова

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Иллюстрации Виталия Еклериса

- © В. В. Ахметьева, перевод, 2024
- © А. Б. Гузман, перевод, 2024
- © А. В. Етоев, А. Е. Чертков, перевод, 2024
- © А. А. Комаринец, перевод, 2024
- © А. И. Корженевский, перевод, 2024
- © С. Ю. Красиков, перевод, 2024
- © В. М. Ларионов, перевод, 2024
- © М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 2024
- © А. Е. Чертков, статья, 2017
- © В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2014
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25322-3

«Нейромант» и два его продолжения — не о компьютерах. Иногда эти книжки делают вид, и довольно неубедительно, будто они посвящены компьютерам, однако на самом деле главная их тема — технология в некоем более широком смысле. Я лично подозреваю, что в действительности они об Индустриальной Культуре; о том, что мы делаем с машинами, что машины делают с нами, и о том, насколько бессознательным (и, как правило, незаконным) этот процесс был, есть и будет.

Уильям Гибсон

Если есть автор, который заложил каноны современного киберпанка и определил его развитие на многие десятилетия вперед, — то это канадец Уильям Гибсон. Его дебютный роман «Нейромант» буквально взорвал англоязычную фантастику и бросил вызов старому писательскому поколению. Тридцать лет назад, когда о передаче данных с помощью IP-протокола знали считанные специалисты, прототипом интернета пользовались военные и работавшие на них ученые, а большинство хакеров в лучшем случае ходили пешком под стол, — Гибсон придумал термин «киберпространство» и предсказал проникновение всемирной паутины во все уголки нашей жизни. Гибсон силен в умении выстраивать стремительный сюжет, но при этом он очень тонкий стилист.

«Нейромант» поднял целый пласт проблем, связанных с технологией и ее влиянием на культуру, мораль, философию нового времени. Идеи романа получили развитие в «Графе Ноль» и «Моне Лизе овердрайв». Это не прямые продолжения первой части: в них описываются события, отстоящие друг от друга на семь-восемь лет. Мелькают знакомые по предыдущим частям лица и места, упоминаются люди и события, с которыми Гибсон сталкивал читателя в предыдущих произведениях. Сюжет все так же причудлив и плохо предсказуем, стиль все так же блестящ — вполне достойные продолжения для бестселлера.

Мир фантастики

По его собственным словам, Гибсон относится к тому поколению американских фантастов, которое одновременно прочитало и Эдгара Райса Берроуза («Тарзан»), и Уильяма Берроуза («Голый завтрак»), и поэтому приметы традиционной фантастики и классического постмодернизма существуют в его книгах на равных правах. Это сочетание не случайно: на ранний постмодернизм фантастика (и поп-культура вообще) оказала

большое влияние — помимо Уильяма Берроуза можно назвать Джона Барта и в особенности Томаса Пинчона. В этом смысле киберпанк — это возврат фантастики к своим «корням» через выросший из них же постмодернизм. Недаром Гибсон называет Пинчона прародителем киберпанка...

Иностранная литература

Настолько объемного, осязаемого образа будущего не создавал еще никто после Сэмюэля Дилэни с его классическими повестями 1960-х годов.

Locus

Проза Гибсона, невероятно искусная и ясная, на глазах оборачивается электрической поэзией хай-тека.

Брюс Стерлинг

Убедительная панорама будущего, проработанная с невероятным тщанием и размахом. Гибсон создал целый новый жанр.

San Francisco Chronicle

Сообщество специалистов по информационным технологиям разрастается на глазах, стремительно обретая черты субкультуры: особый язык, особый стиль поведения, манеру одеваться, свой собственный фольклор. Уильям Гибсон, с его драйвовой трилогией «Киберпространство», сыграл для этой субкультуры роль Гомера, подарив айтишникам новый миф — миф информационной эпохи. Он романтизировал образ хакера и сакрализовал киберпространство как таковое. По сути, Гибсон наметил контуры той вселенной, в которой живут сегодня миллионы «подключенных к сети» — с ее внутренней иерархией, причудливой неоязыческой метафизикой, этическими и эстетическими константами.

*Василий Владимировский
(ria.ru)*

Я предлагаю читать Гибсона в метро. Располагая несколькими часами времени, надо сесть на Кольцевую линию и ездить по кругу, не вставая с места, пока книга не будет дочитана хотя бы до половины. Изредка, устав от чтения в тряском вагоне, надо поднимать голову и смотреть на пассажиров. Если хватит смелости — можно слушать их разговоры.

Постепенно ты поймешь, что именно об этом мире и пишет Гибсон. Это тусклый мир людей с серыми лицами, существующий внутри развалин некогда величественной цивилизации. Они живут среди машин, некогда бывших пиком технологической моды, но за прошедшие годы покрывшихся слоем пыли. Вкрапления новых технологий — мобильные телефоны, переносные компьютеры — странным образом не меняют картины. Будущее для Гибсона напоминает московское метро.

*Сергей Кузнецов
(Grani.ru)*

НЕЙРОМАНТ

РОМАН

Часть первая

ТИБА-СИТИ БЛЮЗ

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он ослабил восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девушка справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренные деньги, — отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

— Слишком уж вы артист, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. — Артист слегка комического плана.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты отсю-да. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все-таки ушла.

— Боже! — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шерша-вое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная ти-шина, когда множество собеседников в разных концах зала умолк-ли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы! — взревел пьяный австралиец. — Херовы китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднима-ющуюся откуда-то изнутри желчную горечь, — хрень собачья.

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мем-фисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о ки-берпространстве становилась все более призрачной. Он глотал сти-муляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте... Муравейник где-то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни кибер-ковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задни-цы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в тем-ноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к не-существующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пу-зырями вылезал между пальцами.

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал головой Кейс.

— А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружнице артист? Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаше смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

— Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присущем молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микрон его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибете. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробионикой и как магнит притягивал к себе технокриминальные элементы Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токійский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — мощный бразильский декседрин — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушишь хрупкое поверхностное натяжение черного рынка; и так и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожиллов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде¹ одним дождливым вечером.

¹ В начале 1980-х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»... Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькокими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомол, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царapiroнок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безымянной манере прошлого

века, этакая смесь традиционного японского стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерканные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекций на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

— Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на поясице.

«Мясо, — подумал Кейс, — мясо хочет мяса».

— Уэйдж... — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

— Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют — другие задумаются. Так что смотри в оба.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот. — Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню, кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

— Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. — В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из-за стола.

— Конечно. — В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку¹. — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неонем.

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый — то и поделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать — на гоп-стоп и дальше, напрямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов — приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника щеголяли

¹ «Три белизны» (*яп.*) — состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба-Сити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что якудза берегла это место в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он привел в Тибе девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связанных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим-деки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской,

в центре каждой выдавленный инь—ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Жюли, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибете операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел чуть ли не тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены — и почти уже отклеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». И если в импро-

визированной приемной обстановки воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лампой с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортёр восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан честью? — спросил импортёр, в руке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. — Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А-а-а... Ну, тогда... А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая имбирную карамельку. — И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, включающим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный...

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевывловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Приходи через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

Гибсон У.

Г 46 Нейромант. Трилогия «Киберпространство»: романы, рассказы / Уильям Гибсон; пер. с англ. В. Ахметьевой, А. Гузмана, А. Етоева и др. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 992 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25322-3

«Нейромант» — это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед, собравшая все главные жанровые награды («Хьюго», «Небьюла», премия имени Филипа Дика) и ставшая международным бестселлером. Далее последовали два продолжения, «Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв», составившие вместе с «Нейромантом» трилогию «Киберпространство». Трилогия стала краеугольным камнем киберпанка — стиля и культурного феномена. Будущее здесь — это мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Здесь хакер-виртуоз и отчаянная девушка-самурай должны выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума. Здесь японская мафия исповедует идеалы древнего самурайского кодекса, виртуальный мир населен персонажами вудуистского пантеона, а девушка, умеющая входить в киберпространство без компьютера, становится для своего поколения богиней...

Кроме собственно трилогии, в книгу включен цикл рассказов «Сожжение Хром», среди которых — «Джонни Мнемоник», послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрэн), и «Отель „Новая роза“», экранизированный Абедем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)+84(7Кан)-445

УИЛЬЯМ ГИБСОН
НЕЙРОМАНТ
ТРИЛОГИЯ «КИБЕРПРОСТРАНСТВО»

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Ирина Киселева, Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 06.03.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 60,76. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-34315-01-R